

УДК 34

Роман Юлианович ПОЧЕКАЕВ,
профессор, заведующий кафедрой теории
и истории права и государства
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург),
доктор исторических наук,
кандидат юридических наук доцент
rpochekayev@hse.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ XIII В. (ПО ПРАВОВЫМ ПАМЯТНИКАМ ДИНАСТИИ ЮАНЬ)

RESPONSIBILITY FOR THE MILITARY CRIMES IN THE MONGOL EMPIRE OF THE 13TH CENTURY (ON A BASE OF LEGAL MONUMENTS OF THE YUAN DYNASTY)

В статье анализируются воинские преступления и наказания, предусмотренные правом Монгольской империи в XIII в., а именно «Пятью положениями» Чингис-хана 1211 г., указом («законами») хана Угедэя 1234 г., «кодексом» императора Хубилая 1280 г. и сводом законов «Чжичюань-синь-гэ» 1291 г. Многие составы преступлений, включенные в эти документы, были заимствованы из более раннего китайского законодательства: сходные положения имеются в китайском своде законов «Уголовные установления династии Тан» (VIII в.), тангутских правовых памятниках XII – начала XIII в. и др. Содержание соответствующих статей отражает активное участие китайских правоведов в создании монгольских имперских правовых актов и опровергает мнения исследователей, что ответственность за воинские преступления в Монгольской империи базировалась на Великой Ясе Чингис-хана.

The article analyzes the military crimes and punishments provided by the law of the Mongol Empire in the 13th century, namely the «Five Provisions» of Genghis Khan of 1211, the decree («laws») of Khan Ugedei of 1234, the «code» of Emperor Khubilai of 1280 and the code of laws «Zhiyuan-xin-ge» of 1291. Many corpus delicti included in these documents were borrowed from earlier Chinese legislation: similar provisions are found in the Chinese code of laws «Criminal Regulations of the Tang Dynasty» (8th century), Tangut legal monuments of the 12th - early 13th century. etc. The content of the relevant articles reflects the active participation of Chinese jurists in the creation of Mongolian imperial legal acts and refutes the opinions of researchers that responsibility for military crimes in the Mongolian Empire was based on the Great Yasa of Genghis Khan.

Ключевые слова: Монгольская империя, империя Юань, монгольское право, китайское право, воинские преступления, уголовная ответственность, Великая Яса.

Keywords: *the Mongol Empire, the Yuan Empire, Mongolian Law, Chinese Law, military crimes, criminal liability, the Great Yasa.*

Исследователи уже отмечали, что исторические и историко-правовые памятники эпохи Юань (1271-1368) содержат ценные материалы о праве не только периода правления этой династии в Китае, но и Монгольской империи более раннего времени [см., напр.: 19].

При этом весьма важным предметом изучения таких источников является участие китайских сановников при монгольских ханах на создание имперского законодательства на основе многовекового опыта китайской правотворческой деятельности. В настоящей статье автор намерен исследовать этот аспект

правовой политики Монгольской империи на примере правовых актов XIII в., содержащих сведения о воинских преступлениях и наказаниях за них. При этом специальное внимание будет уделено именно степени влияния китайского права на содержание соответствующих норм.

Для анализа нами выбраны следующие документы:

- «Пять положений, разделенных на правила» (или «новые указы») Чингис-хана (1206-1227), принятые в 1211 г. и зафиксированные в китайской династийной истории «Юань ши»;
- «законы» («указ») хана Угедэя (1229-1241), сына и преемника Чингис-хана, обнародованные в 1234 г. и также зафиксированные в «Юань ши» («История Юань», 1369 г.);
- «кодекс» хана Ухбилая (1260-1294), основателя империи Юань, включенный в его послание корейскому вану, датированное 1280 г.;
- свод законов «Чжюань-синь-гэ» («Новый кодекс эпохи правления Чжюань»), принятый также при Хубилае в 1291 г. и реконструированный в 1970-х гг. исследователем П.Х. Ченом.

Сразу обратим внимание, что ни до создания Монгольской империи, ни в первые годы ее существования специального «военно-уголовного права» у кочевников Евразии не было. В случае правонарушений воины могли быть привлечены к ответственности по нормам обычного права, собственному усмотрению непосредственного начальника (или нойона) либо же по ханскому распоряжению.

Однако по мере расширения Монгольской империи и интеграции в ее состав обширных территорий с многочисленным оседлым населением стал расширяться и состав армии, в которую уже в первые десятилетия XIII в. стали входить китайцы, выходцы из Средней Азии и представители других народов, регионов и государств. В связи с этим и понадобились новые законы, которые сначала имели характер отдельных установлений, однако по мере их накопления (и, вероятно, в соответствии с традициями оседлых народов) стали консолидироваться. Ярким примером подобного законодательного подхода является «кодекс» Хубилая 1280 г.: как мы покажем ниже, в «Юань ши» приводятся отдельные указы, из которых, соб-

ственно, и состоит эта консолидация, действие которой предполагалось распространить также на войска корейского правителя – вассала монгольского хана и императора Юань.

И, конечно же, эта работа осуществлялась не самими монголами, не имевшими опыта кодификации своих норм, а их новыми «иностранными специалистами», и прежде всего киданями, чжурчженями и китайцами (ханьцами) – выходцами из империи Цзинь, поступавшими на службу к Чингис-хану или его преемникам. Безусловно, они не изобретали эти нормы «с нуля», а брали за основу предыдущий китайский правовой опыт.

По такой же схеме составлялись и анализируемые нами правовые акты. Сразу отметим, что не все положения, включенные в исследуемые правовые памятники, относятся именно к ответственности за воинские преступления, но мы для сравнения взяли именно этот институт, поскольку он в силу своей специфики представляется весьма показательным. Наш анализ мы строим на основе сравнения положений актов эпохи Монгольской империи и империи Юань XIII в. и соответствующих статей китайских кодификаций. Для сравнительного анализа выбраны следующие китайские кодификации:

- «Уголовные установления династии Тан с разъяснениями» («Тан люй шу и», VIII в.) – классический и даже эталонный китайский свод законов, который в дальнейшем использовался в качестве образца для кодификаций последующих династий, правивших Поднебесной империей.

- «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание» (середина XII в.) – свод законов государства Си Ся, основанного тангутами на севере Китая; памятник представляет интерес для анализа, поскольку тангуты, как и монголы, являлись «иноземными» правителями Китая и также испытали влияние китайской культуры, в том числе и правовой традиции.

- «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань» (начало XII в.) – еще один тангутский юридический памятник, причем, как следует уже из названия, непосредственно регулирующий военноправовые отношения.

– «Новые законы Тангутского государства» (первая четверть XIII в.) – также тангутское законодательство, которое представляет интерес, поскольку создавалось уже в ту эпоху, когда тангуты находились в прямом контакте с вновь созданной Монгольской империей и, вполне вероятно, что монгольское «военное право» могло испытать тангутское влияние.

– «Законы Великой династии Мин со своим комментарием и приложением постановлений» («Да Мин люй цзи цзе фу ли», конец XIV в., дополнялись вплоть до XVII в.). Этот правовой памятник, как видим, более поздний, появившийся уже после падения империи Юань и прихода к власти национальной китайской династии Мин. Однако мы считаем целесообразным привлечь также и его, чтобы продемонстрировать, что нормы о военных преступлениях и наказаниях, содержащиеся в памятниках империи Юань, не исчезли из законодательства и после ее падения, а нашли отражение и в минском законодательстве – хотя, скорее всего, не непосредственно через юаньские своды законов.

Начнем с анализа первого примера консолидации военных законов, который имел место еще при Чингис-хане. В 1211 г. с подачи китайского генерала Го Бао-юя Чингис-хан огласил «новые указы» или «Пять положений, разделенные на правила» («тяо хуа»), в которых п. 1 имеет отношение к воинским преступлениям и наказаниям, поскольку запрещает «самочинные расправы и убийства» «в случае выступления войск в поход» [9, с. 250; 23, р. 10-11]. Речь идет о некоторых ограничениях вышеупомянутого собственного усмотрения командиров по наказанию прощтрафившихся подчиненных: в походе был важен каждый воин, а непродуманные расправы могли уменьшить их число. В более раннем китайском законодательстве нам сходной нормы обнаружить не удалось, однако запрет офицерам подвергать солдат смертной казни без согласования с вышестоящими властями содержится в более поздних «Законах великой династии Мин» (ст. 33, далее – «Законы Мин») [5, с. 378]. Со временем эта норма уточнялась как в отдельных указах, так и в кодифицированных актах.

Обратившись к анализу «законов» («указа») Угедэя 1234 г., мы обнаруживаем в нем ряд положений об ответственности за воинские преступления.

Пункт 3 предписывает солдатам повиноваться своим командирам, начиная с десятника. За нарушение предписания предусмотрены суровые наказания вплоть до каторжных работ [2, с. 163; 9, с. 169]. Нет сомнения, что эта норма была почерпнута из китайской правовой традиции – на это указывает, в частности, наказание в виде каторги, которого у монголов-кочевников, конечно же, не существовало. И в самом деле, мы находим близкую норму в ст. 14 тангутского «Яшмового зеркала» командования войсками» (далее – «Яшмовое зеркало») [13, с. 33].

Пункт 5 «законов» Угедэя предусматривает аналогичное наказание (вплоть до каторжных работ) для тех, кто станет самовольно отлучаться или отлынивать от службы [2, с. 163; 9, с. 169]. Аналогичное положение мы находим в китайских сводах – в «Уголовных установлениях династии Тан» (ст. 75, далее – «Установления Тан») [20, с. 326], а также и в тангутском «Кодексе девиза царствования Небесное процветание» (ст. 205, 209, далее – «Кодекс Небесное процветание») [10, с. 116].

Пункт 6 предусматривает ответственность за разглашение военной тайны – от битья розгами до смертной казни [2, с. 163; 9, с. 169]. Он также является аналогом ст. 232 «Установлений Тан» [13, с. 245; 21, с. 261].

Впрочем, еще двум пунктам из «законов» Угедэя нам не удалось найти соответствия в китайском законодательстве. Первый из них – п. 7, запрещающий командиру тысячи обгонять темника (командира десятитысячного отряда, т.е. своего непосредственного начальника), за что телохранители последнего могли метать в него тупые стрелы. Второй, п. 8, предусматривал повышенную ответственность сотников и десятников: за совершенные воинские преступления они подвергались тем же наказаниям, что и рядовые воины, но еще и отрешались от своей должности [2, с. 163; 9, с. 169]. По всей видимости, эти положения могли перейти в «законы»

Угедзя из обычно-правовой практики монголов более раннего времени, а не из китайского законодательства. В частности, в пользу этого говорит тот факт, что монгольский правовой памятник XVI – начала XVII вв. «Восемнадцать степных законов», составленный именно на основе обычного монгольского права, также предусматривал более высокую ответственность за воинские правонарушения для знати по сравнению с простолюдниками [3, с. 54].

Теперь перейдем к анализу соответствующих положений второго правового памятника – «кодекса» Хубилая 1280 г. Как уже отмечалось выше, его статьи прежде представляли собой отдельные указы этого хана, издававшиеся еще с конца 1265-х гг., но в послании корейскому вану они были систематизированы, что и позволяет исследователям говорить о нем как о разновидности кодификации.

Статья 1 содержит запрет привлекать на службу негодных воинов или демобилизовать солдата за взятку [18, с. 159]. Аналогичные нормы мы находим как в «Установлениях Тан» (ст. 228) [12, с. 244; 21, с. 252-255], так и в более позднем китайском законодательстве – «Законах Мин» (ст. 227, 236) [6, с. 116-117, 132-137].

Статья 3 не позволяет военачальникам отбирать у солдат полагающуюся им долю добычи [18, с. 160]. В декабре 1268 г. это положение было зафиксировано специальным указом хана Хубилая [14, с. 225]. Схожую норму мы обнаруживаем в ст. 2 «Яшмового зеркала» [13, с. 16].

Статья 4 запрещает начальнику заставлять подчиненного поменяться с ним лошадью, если она лучше у подчиненного, и тем более отбирать у него коня в случае падежа [18, с. 160]. Не удивительно, что сходные положения мы обнаруживаем в тангутском «Кодексе Небесное процветание» (ст. 324) [10, с. 174-175] – ведь у тангутов, как и у монголов (но не как у китайцев-ханьцев), ударную силу войск составляла многочисленная кавалерия [11, с. 264-265].

В ст. 5 предусмотрена ответственность военных лекарей за состояние раненых и

больных солдат [18, с. 160-161]. В китайском законодательстве до эпохи Юань нам сходной нормы обнаружить не удалось, но таковая имеется в «Законах Мин» (ст. 401) [8, с. 193], что позволяет предполагать ее наличие и в более ранних сводах китайского права.

Статья 8 не позволяла командирам и чиновникам самовольно уменьшать или тем более удерживать награды в пользу отличившихся воинов или семей погибших героев [18, с. 161]. Аналогичные нормы имеются в «Яшмовом зеркале» (ст. 7-8) [13, с. 31-32] и в «Законах Мин» (ст. 239) [6, с. 142].

Статья 9 содержит запрет свободно распоряжаться в своих целях провиантом солдат и фуражом лошадей, т.е. продавать его, обменивать и пр. [18, с. 161]. Несомненно, подобного рода преступления имели широкое распространение, поэтому не удивительно, что соответствующие нормы мы находим в «Кодексе Небесное процветание» (ст. 258-260) [10, с. 139-140] и в «Законах Мин» (ст. 225) [7, с. 115].

Статья 10 запрещает начальникам изымать у воинов дополнительное вооружение (если оно являлось их собственностью) и передавать другим, если в подразделении не хватало оружия и доспехов [18, с. 162]. Как и предыдущий состав преступления, этот был широко распространен, поэтому сходные положения присутствуют и в раннесредневековых «Установлениях Тан» (ст. 230) [21, с. 257-258], и в тангутском «Кодексе Небесное процветание» (ст. 283-286) [10, с. 153-155], и в более поздних «Законах Мин» (ст. 232-233) [7, с. 130-131].

Статья 11 предусматривает ответственность за еще одно распространенное воинское преступление – дезертирство. Причем к ней привлекались не только сами дезертиры, но и те, кто способствовал их бегству или не принимал мер по их поиску и наказанию [18, с. 162]. Этот состав также нашел отражение в целом ряде статей «Установлений Тан» (ст. 451, 457, 460, 466) [22, с. 115-116, 131-132, 137, 147-148]¹, и в «Кодекса Небесное процветание» (ст. 194-200, 206-208, 213) [10, с. 111-115, 117-118, 121], а также и в

1 В законодательстве династии Тан к дезертирству приравнивалось также опоздание к месту сбора во время мобилизации [12, с. 244].

«Законах Мин» (ст. 236) [7, с. 132-137]. Сам Хубилай периодически издавал указы о поиске и возврате дезертиров по всем провинциям своей империи – например, указ от 16 марта 1262 г. [1, с. 79].

Статья 13 запрещала воинам грабить население и торговцев захватывать дома, землю и имущество [18, с. 162]¹. Сходные нормы имеются в «Установлениях Тан» (ст. 167) [21, с. 140] и в «Законах Мин» (ст. 229) [6, с. 137].

Статья 14 не позволяла начальникам и простым солдатам «жениться насильно» на местных женщинах и девушках; а если брак был по обоюдному согласию – запрещалось распоряжаться родственниками жены, их домочадцами, слугами, в том числе продавать их и женить [18, с. 163]. Как и ряд предыдущих положений, это также нашло отражение и в более раннем, и в более позднем китайском праве – «Установлениях Тан» (ст. 176) [21, с. 173-184], «Новых законах Тангутского государства» (гл. 8) [15, с. 147], «Законах Мин» (ст. 118) [6, с. 123-125].

Как и в предыдущем проанализированном правовом памятнике, несколько статей не имеют параллелей в китайском законодательстве и, вероятно, перешли в «кодекс» Хубилая из обычного права монголов или практики эпохи завоеваний Чингис-хана и его потомков.

Так, ст. 2 содержит запрет военачальникам и чиновникам использовать в своих интересах воинские подразделения «хэ-би-чи ба-дуэр», которые, судя по содержанию статьи, являлись специальными отрядами, которые должны были следить за порядком на завоеванных территориях [18, с. 159-160]. По-видимому, подобных войск в армии Поднебесной империи не было, почему и соответствующие положения в китайских кодификациях отсутствовали. Любопытно, что 12 июля 1282 г. (т.е., уже после появления анализируемого «кодекса») Хубилай издал

указ о запрете чиновникам использовать для собственных целей, а также для несения повинностей любые войска [1, с. 403].

Статья 7 предписывает самим командирам наказывать солдат, отступивших во время боя [18, с. 161]. Как уже отмечалось, начальники имели широкое право собственного усмотрения при наказании подчиненных: это, во-первых, избавляло о необходимости фиксировать в законодательстве многочисленные конкретные нарушения и наказания за них, во-вторых, позволяло командирам учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства правонарушения, в-третьих, обеспечивало быстрое и неотвратимое наказание. Некоторые ограничения полномочий командиров, впрочем, как мы установили выше, были установлены еще «Пятью положениями» Чингис-хана, а 7 июня 1265 г. Хубилай, подтверждая волю своего деда, издал указ, которым предписывал командирам наказывать подчиненных за нарушения; но если за них предусматривалась смертная казнь или тяжкие наказания – следовало согласовать решение с вышестоящими начальниками вплоть до самого хана [1, с. 124].

Статья 12 запрещала воинским начальникам отнимать жилье у местного населения, обманывать его и вводить в заблуждение, давая ложные обещания (вероятно – о компенсации за взятое продовольствие и пр.) [18, с. 162]. Подобных норм мы не встречаем в китайском праве, так что и это положение, вероятно, родилось в результате практики наказания воинов и командиров в период активных завоеваний. В «кодекс» Хубилая оно попало, скорее всего, также из его же соответствующего указа, изданного 22 сентября 1259 г. [1, с. 29]².

В ст. 15 не позволялось забирать у мирных жителей скота больше, чем полагалось, топтать их поля и портить фруктовые деревья, убивать домашних животных [18, с. 163].

1 По-видимому, отличие от ст. 12 заключалось в том, что солдатам запрещалось самовольно устраиваться на постой в домах, тогда как в отношении начальников, как показано ниже, речь шла о попытках присвоить себе дома мирных жителей.

2 Тем не менее, судя по всему, такая практика продолжалась и в мирное время: как следует из доклада, представленного Хубилаю в апреле 1280 г., офицеры гарнизонов «создавали общества с богатым народом (фу-минь) и в результате отбирали поля и дома у народа» [14, с. 268].

Частично это положение нашло отражение в ряде более ранних указов Хубилая. Так, актами от 29 августа 1263 г. запрещалось «беспокоить простой народ» и «превращать пахотные поля простого народа в пастбишные земли», а актом от 26 августа 1264 г. – размещать лошадей в селах (с целью их питания за счет местного населения) [1, с. 94, 101; 23, р. 7].

Статья 16 содержала запрет воинам торговать в своих интересах чаем, солью, водкой и дрожжами [18, с. 163]. Поскольку данные товары, во-первых, являлись предметами первой необходимости, во-вторых, находились в государственной монополии, наказанию за проступки солдат подвергались и их начальники. Точно так же мы не находим аналогов в китайских сводах законов, однако в указе Хубилая от 29 марта 1263 г. [1, с. 94] запрещалось как солдатам, так и простому народу выпаривать соль и вести частную торговлю ею. Впрочем, нельзя не отметить, что монополия на соль (и на другие перечисленные товары) в Китае существовала и в более ранние времена, сохранившись и в период после Юань [17]. Поэтому, вероятно, положений об ответственности именно военнослужащих за противозаконную ее продажу не было необходимости предусматривать.

Наконец, ст. 17 защищала имущество солдат от посягательств «военных правителей» [18, с. 163]. По-видимому, речь шла о даругах (в русских источниках более известных под названием баскаков) – наместниках ханов в покоренных землях, т.е. своего рода военных губернаторах, в подчинении которых находились военные отряды и гарнизоны. Прямо такая норма не находит отражения в китайских сводах, однако, полагаем, что по сути эта статья близка к вышеописанным ст. 3, 4, 10 – с той разницей, что там речь шла о начальниках в походах, а тут – о командирах гарнизонов в мирное время.

Наконец, при анализе «Нового свода зры правления Чжюань» 1291 г. мы обнаружили всего три статьи, касающиеся ответственности за воинские преступления.

В ст. 9 гл. 1 содержится предписание привлекать солдат на работы только по указанию вышестоящего начальства и при этом

в установленные сроки [23, р. 112-113]. Речь идет, по-видимому, о несении солдатами определенных повинностей, связанных именно с военными надобностями, поскольку, как следует из охарактеризованной выше ст. 2 «кодекса» Хубилая 1280 г., для других надобностей воинов задействовать запрещалось. На военнослужащим могли возлагаться, в частности, такие задачи: «отремонтировать и привести в порядок городские стены и рвы, чтобы быть готовым к нападению» [1, с. 37]. Подобные положения мы находим в «Уставах Тан» (ст. 239–241) [21, с. 271-275] и «Законах Мин» (ст. 221) [7, с. 110].

Статья 1 гл. 7 предусматривает ответственность солдат и командиров, охраняющих склады, наряду с чиновниками, ответственными за хранение – естественно, в случае пропажи охраняемого имущества [23, р. 138-139]. Сходную норму мы находим в «Законах Мин» (ст. 283) [8, с. 30-31].

Наконец, в ст. 1 гл. 9 содержится положение о том, что за кражу или грабеж, совершенные солдатами, несут ответственность их начальники [23, р. 149]. Аналогичная статья имеется также в «Законах Мин» (ст. 229) – правда, в отношении неопределенного круга лиц, а не только солдат [6, с. 123-125].

Итак, как мы могли убедиться, большинство статей проанализированных правовых памятников эпохи Монгольской империи имеют аналоги в китайских кодификациях. Это свидетельствует о весьма значительной вовлеченности сановников и чиновников китайского происхождения в законотворческую деятельность монгольских ханов. И это вовлечение состояло не только в том, чтобы использовать правовой опыт предыдущих китайских законодателей, но и убедить монгольских «варваров» в эффективности этих норм и целесообразности включения их в соответствующие кодификации.

Что нам дает эта информация? В первую очередь убедительное подтверждение монголо-китайской правовой конвергенции, которая все более усиливалась по мере расширения владений потомков Чингис-хана в Китае и привлечения все большего числа китайских чиновников на службу новой династии.

Кроме того, весьма важным выводом по итогам проведенного исследования является опровержение весьма распространенного мнения исследователей – в том числе и тех, кто занимался переводом и исследованием актов, которые были проанализированы в настоящей статье [9, с. 272, прим. 371; 18, с. 158; 23, р. 4-10], – о том, что большинство преступлений и наказаний в Монгольской империи регламентировалось Великой Ясой Чингис-хана. Как мы убедились, норм, имеющих монгольское, а не китайское происхождение в приведенных актах сравнительно немного, а на Великую Ясу в них ссылок нет вообще. Между тем в правовых сводах Юань даже более позднего времени – например, в «Юань дзянь-чжан» («Уложение династии Юань», 1322-1323) – ссылки на Великую Ясу Чингис-хана имеются [16]. Вряд ли в более ранних кодификациях была бы проигнорирована Яса в случае использования ее положений.

Вместе с тем нельзя не отметить определенную «монгольскую специфику» в содержании проанализированных норм. Дело в том, что только в первых из проанализированных памятников – «новых указах» Чингис-хана 1211 г. и «законах» Угедэя 1234 г. содержатся не только составы преступлений, но и конкретные наказания за их совершение – что как раз характерно для китайских правовых памятников. В остальных же случаях просто

прописаны запреты без конкретизации наказаний за их нарушение. Подобная тенденция наблюдается и в других монгольских правовых актах – в частности, в хорошо известных нам ярлыках ханов Золотой Орды, в которых вместо четких наказаний за нарушение ханских предписаний присутствовали достаточно обтекаемые формулировки: «убоятся непременно», «разве не убоится?»», «тебе также хорошо не будет» и т.п. [4, с. 42, 114, 202].

Получается, что если китайские советники предлагали монгольским ханам нормы конкретного содержания на основе традиционного китайского права, то сами монгольские правители в большинстве случаев избегали включения в соответствующие статьи конкретных наказаний, оставляя их на усмотрение либо начальников, либо судей. Таким образом, заимствуя элементы китайского законодательства для своих кодификаций, потомки Чингис-хана сохраняли в них и особенности собственного монгольского права.

Собственно, именно это наблюдение и позволяет нам говорить о конвергенции монгольского и китайского права как о процессе взаимовлияния и взаимопроникновения, т.е. взаимодействии права монголов и китайцев в рассматриваемый период отнюдь не носило одностороннего характера влияния со стороны «просвещенных» китайцев на монгольских «варваров» в правотворческой сфере.

Библиографический список

1. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши») / подгот. изд., пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. – М.: Б.и., 2019. – 744 с.
2. Бичурин, Н. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова / Н. Бичурин // История монголов. – М.: АСТ, 2005. – С. 7-234.
3. Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI-XVII вв. / пер. с монг., коммент. и исслед. А.Д. Насилова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – 160 с.
4. Григорьев, А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов / А.П. Григорьев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. – 276 с.

5. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). – Ч. 1 / пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.Н. Свистуновой ; отв. ред. С. Кучера. – М.: Восточная литература, 1997. – 573 с.
6. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). – Ч. 2 / пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой ; отв. ред. С. Кучера. – М.: Восточная литература, 2002. – 408 с.
7. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). – Ч. 3 / пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н. П. Свистуновой ; отв. ред. С. Кучера. – М.: Восточная литература, 2012. – 444 с.
8. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). – Ч. 4 / пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н.П. Свистуновой ; отв. ред. С.В. Дмитриев. – М.: Наука – Восточная литература, 2019. – 550 с.
9. Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / пер. с кит., сост., введ. ст., коммент. Р.П. Храпачевского. – М.: Б.и., 2009. – 336 с.
10. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149-1169) / изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. – Кн. 2 (главы 1-7). – М.: Наука, 1987. – 701 с.
11. Кычанов, Е.И. История Тангутского государства / Е.И. Кычанов. – СПб.: Изд-во ф-та филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 767 с.
12. Кычанов, Е.И. Основы средневекового китайского права / Е.И. Кычанов. – М.: Наука, 1986. – 264 с.
13. Кычанов, Е.И. «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань» (1101-1113) / Е.И. Кычанов // Письменные памятники Востока. – 2005. – N 1 (2). – С. 5-34.
14. Мункуев, Н.Ц. Источники по истории Монгольской империи (Хэй-да ши-люэ, главы 98 и 99 Юань ши): перевод и исследование / Н.Ц. Манкуев ; отв. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2023. – 360 с.
15. Новые законы Тангутского государства» (первая четверть XIII в.) / изд., пер. с танг., введ. и коммент. Е.И. Кычанова. – М.: Наука – Восточная литература, 2013. – 501 с.
16. Попов, П.С. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дянь-чжан / П.С. Попов // Записки восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – Т. XVII. – 1906. – С. 0150-0164.
17. Свистунова, Н.П. Материалы из «Свода законов династии Мин» о соляной монополии в Китае XIV-XVII веков / Н.П. Свистунова // Народы Азии и Африки. – 1971. – N 4. – С. 138-141.
18. Сумьябаатар, Б. Монгольский законодательный памятник XIII в. – новый список / Б. Сумьябаатар // Монгольская империя и кочевой мир. – Кн. 2. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. – С. 157-164.
19. Тумурова, А.Т. Налоги и повинности по законам Юаньской империи / А.Т. Тумурова, С.Ж. Дугарова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – N 1 (58). – С. 203-211.
20. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8 / введ., пер. с кит. и ком. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 384 с.
21. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 9–16 / пер. с кит., введ. и ком. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 304 с.
22. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 26–30 / пер. с кит., введ. и ком. В.М. Рыбакова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – 416 с.
23. Ch'en, P.H. Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed. – Princeton University Press, 1979. – XIX+205 p.